

Прошло ещё полмесяца, наступил сентябрь, и по утрам наконец повеяло прохладой.

Се Цзинвэй, как ни упирался, а против воли не попрёшь, в конце концов был отправлен людьми Сюй Инбая обратно в даосский монастырь Сюаньмяо.

Перед отъездом он со слезами на глазах вцепился в рукав Сюй Инбая и никак не хотел отпускать:

— Учитель... не отправляйте ученика прочь...

Сюй Инбай остался непреклонен:

— Говори нормально, не балуйся.

— Умм... — Се Цзинвэй лишь с видом оскорблённой невинности забрался в повозку.

Облачённый в серо-зелёные одеяния Сюй Инбай стоял на месте, прямой и негибемый, словно молодой бамбук. Он смотрел, как повозка постепенно удаляется. С краешка её приоткрытой занавески показалась упрямая макушка Се Цзинвэя, и тот громко завопил:

— Учитель, я ещё вернусь!

— Мелкий паршивец. — Сюй Инбай говорил строго, но в уголках его глаз и на губах заиграла мягкая улыбка.

В прошлой жизни он точно так же отправил Се Цзинвэя прочь перед тем, как переправиться на юг. Тогда Се Цзинвэй тоже плакал и отказывался уезжать, но сердце Сюй Инбая было твёрдым как камень — как бы ученик ни капризничал и ни катался по земле, он настоял на своём и отослал его.

Тогда Се Цзинвэй сказал ему то же самое: Учитель, я ещё вернусь.

Вот только никто и помыслить не мог, что та разлука в прошлый жизни окажется вечной.

Сюй Инбай переступил порог поместья. Он не стал сразу же отправляться на доклад к императору, да и в Управлении цензоров наверняка только и ждали случая завалить его мемориалами с обвинениями.

Но всё же нужно было подумать: где раздобыть войско?

Власть императорского двора с каждым днём слабела, а местные князья давно шли вразрез с центральным правительством. Ныне Нин-ван удерживал земли Линчжоу и Сячжоу, князь Су — Сучжоу и Ханчжоу, а Ци-ван закрепился в Юньчжоу и Цзимынях. Помимо них, наместник

Ичжоу Ли И и наместник Сучжоу Янь Шицин больше не подчинялись приказам центра, а Семь племен Уцзюэ за заставой Цзяюйгуань то и дело поглядывали на Великую Цзинь с вождением — всё это можно было назвать бедами и изнутри, и снаружи.

Пока он разбирался со всеми делами и возвращался обратно, прошло целых четыре месяца.

Нынешние времена были беспокойными. Прошлый император растерзал самые корни Великой Цзинь, а Вэй Чжан оказался человеком бестолковым и с самого восшествия на престол не сделал ни единого стоящего дела.

Каждая из этих сепаратистских группировок располагала несметными богатствами и собственными армиями, совладать с ними было непросто. И надо же было такому случиться, что сразу после восхождения на престол Вэй Чжан вздумал провести децентрализацию и урезать владения удельных князей! Стоило лишь прозвучать этому указу, как князья тут же взбунтовались бы, и если бы не яростное сопротивление Сюй Инбая, они уже подняли бы мятеж!

А тут еще Семь племен Уцзюэ, почуяв запах добычи, вырвались из пустынных степей. Янь Шицин из Сучжоу не оказал ни малейшего сопротивления, Нин-ван сослался на болезнь и заявил, что не может выступить в поход, Ци-ван утверждал, что у него самого каждый воин на счету, а князь Су заявлял, что цзяннаньские войска не привыкли к пустынным бурям. Сюй Инбаю не оставалось ничего иного, кроме как самому попросить отправить его на границу, чтобы усмирить этих незваных гостей из Уцзюэ.

В смутные времена острое лезвие меча — это самый простой способ заставить других подчиниться.

Но сам Сюй Инбай считал себя лишь счастливым — к счастью, он успел отослать мальчика.

Сюй Инбай стоял на месте, пока таргетная повозка полностью не скрылась из виду, и только тогда повернулся, чтобы уйти.

Сюй Инбай холодно подумал, что всего через несколько месяцев Уцзюэ снова пойдут войной на их земли.

Иначе в прошлой жизни Се Цзинвэю пришлось бы разделить с ним смерть.

До того как отправиться на войну с племенами Уцзюэ, он был лишь гражданским чиновником — ни войска, ни золота. Лишь позднее, после отражения набегов Уцзюэ, ему пожаловали титул великого военачальника. Однако этот титул оставался лишь звучным званием: реальная военная власть ускользала из его рук, а в смутные времена стратегия, бесспорно, важна, но еще важнее иметь за спиной верные мечи.

Впрочем, очень скоро у господ из Управления цензоров пропадет время докучать ему.

Управляющий Лю никак не ожидал, что Сюй Инбай спустя десять с лишним дней вдруг снова заведёт об этом речь, и на мгновение растерялся, но тут же поспешно произвел:

— Раб сейчас же пойдет проверить!

Переодевшись и приведя себя в порядок, Сюй Инбай приступил к утру. Аппетита у него не было, поэтому управляющий Лю подал лишь жидкую рисовую кашу и лёгкие закуски. Сделав пару через силу сделанных глотков, Сюй Инбай уже собирался выйти, но, сделав всего полшага, словно что-то вспомнив, обернулся и спросил управляющего Лю:

— А где тот человек, что жил в моем дворе?

Земли Юнчжоу и неприступные теснины Сяохань — при таком разваливающемся на части государстве, как Великая Цзинь, всё это казалось лишь куском мяса на разделочной доске, готовым стать легкой добычей для любого режущего ножа.

И вот спустя десять дней страдающий от недуга великий военачальник наконец соизволил явиться на утренний совет.

Людей, по-настоящему дорогих сердцу Сюй Инбая, можно было пересчитать по пальцам одной руки, и Се Цзиньвэй был одним из них. Этот шумный и резвый маленький ученик провел рядом с ним несколько лет, и Сюй Инбай давно уже воспринимал его как родного человека.

Он был облачен в тёмные широкие парадные одежды чиновника, а талию опоясывала фиолетовая лента. От всего его облика веяло непреклонной отстраненностью и суровой ледящей аурой.

Сюй Инбай чувствовал немалую головную боль.

Ему предстояло заняться куда более важными делами.

Стоило управляющему Лю сделать пару шагов, как до них донёсся низкий, хриплый, полный разнузданной дерзости голос:

— Я здесь.

Управляющий Лю и Сюй Инбай одновременно повернулись на звук и увидели человека, сидевшего прямо на вершине стены.

Фу Линъи был одет в тёмно-красный узкий халат с запахом, снизу переходящий в абсолютно чёрный, а его волосы были забраны в высокий хвост. Его ладони и запястья круг за кругом были туго обмотаны чёрной тканью, а у пояса висел длинный кинжал. Весь его вид источал

кровожадную свирепость и бунтарский дух, но стоило взгляду Сюй Инбая упасть на него, как это грозное убийственное дыхание вмиг рассеялось, словно дым. Более того, он подался вперёд с таким послушным и кротким видом, который был столь далек от его истинной натуры.

Если бы не рука, крепко сжимающая рукоять ножа, притворство выглядело бы поистине безупречным.

Эта способность менять выражение лица быстрее, чем страницы в книге, привела стоявшего рядом управляющего Лю в крайнее изумление — он подумал, что если этот парень не пойдет выступать на театральных подмостках, это будет просто преступлением!

Следом за этим раздался прохладный и меланхоличный голос его собственного господина. Он прозвучал лаконично, всего из двух слов, но в них сквозило непререкаемое повеление:

— Спускайся.

Фу Линъи развернулся в воздухе и, приземлившись, опустился на одно колено прямо перед Сюй Инбаем.

Сюй Инбай приподнял брови: а раны-то заживают на удивление быстро.

— Сегодня ты пойдешь со мной на утренний совет, — спокойным голосом произнес Сюй Инбай.
— Будешь привыкать к лицам.

Сказав это, он еще немного понаблюдал за лицом Фу Линъи, затем развернулся, вернулся в комнату и вынес оттуда маску из фиолетового золота.

Когда он вернулся, Фу Линъи всё еще стоял на коленях. Сюй Инбай развязал тесёмки маски и между делом бросил:

— Чего не встаешь?

Фу Линъи опустил голову, так что Сюй Инбай не видел его выражения лица, и мог лишь слышать его голос.

Тот ответил с абсолютной уверенностью:

— Ты не разрешал мне вставать.

Его голос звучал слегка напряженно — он изо всех сил старался подавить скрытую в нем мрачную жестокость.

— Даже если я не разрешал, ты мог подняться. Или собирался простоять на коленях весь день?

— равнодушно произнес Сюй Инбай. — Я ведь не тиран и не имею привычки заставлять людей часами стоять на коленях.

Произнеся эти слова, Сюй Инбай невольно усмехнулся про себя, вспомнив, как в прошлой жизни за малейшую провинность наказывал Фу Линъи коленопреклонением, которое обычно длилось по три-пять дней.

Впрочем, сейчас он действительно не испытывал подобной тяги, мысленно отметил Сюй Инбай.

Фу Линъи ответил невпопад:

— Я же говорил, что буду послушным.

Сюй Инбай холодно бросил в ответ:

— Надеюсь на это.

Нынешний Фу Линъи слишком сильно отличался от прежнего, и Сюй Инбай неизбежно испытывал к нему некоторую настороженность.

Лицо твое слишком приметное, в ведомстве Наказаний есть люди, которые видели тебя, — Сюй Инбай протянул маску Фу Линъи. — Надень её.

Фу Линъи двумя руками принял маску и надел. Эта маска плотно закрывала нижнюю половину его лица, оставляя открытыми лишь пронзительные темные глаза.

Он неотступно следовал за Сюй Инбаем по пятам, когда тот вышел из дома. У припаркованной повозки его ждал Ли Куайцзы. Заметив приближение Сюй Инбая, слуга почтительно согнулся в поклоне и протянул руку.

Сюй Инбай оперся ладонью о тыльную сторону ладони Ли Куайцзы и с его помощью поднялся в повозку.

Взгляд Фу Линъи неотрывно следовал за ним, а когда он увидел бледные, изящные пальцы Сюй Инбая, лежащие на руке слуги, его глаза опасно потемнели.

Он инстинктивно нащупал рукоять кинжала у пояса. Спрятав лицо под маской, он до крови закусил губу и тут же ощутил во рту солоноватый привкус железа.

Затем он разжал пальцы, отпустив кинжал.

Успокойся, приказал он сам себе, ты должен быть... кротким и послушным.

Повозка остановилась у ворот дворца — дальше проезд был запрещен. Разумеется, Сюй Инбай не собирался брать с собой во дворец ни Ли Куайцзы, ни Фу Линъи, и им оставалось только ждать снаружи.

Сюй Инбай приподнял полог и вышел из повозки. Не успел Ли Куайцзы опомниться, как Фу Линъи уже протянул руку, жестом предлагая Сюй Инбаю опереться на неё при спуске с повозки. Сюй Инбай на мгновение замер, но всё же положил ладонь на протянутую ладонь юноши.

С детских лет Сюй Инбай страдал от недуга холода в теле, который так и не удалось до конца излечить. В его жилах словно не задерживалось тепло, и весь он был ледяным, точно изваяние из снега. Фу Линъи же был совершенно другим: его ладони излучали тепло и даже казались обжигающими. Даже сквозь плотную черную ткань обмоток это тепло ощущалось особенно остро, отчего рука Сюй Инбая казалась еще более ледяной.

Брови Фу Линъи, и без того слегка сдвинутые, едва заметно дрогнули.

Соприкосновение их рук продлилось лишь мгновение. Очень скоро Сюй Инбай совершенно естественно отдернул руку, а Фу Линъи чуть согнул пальцы, словно пытаясь удержать оставшееся на них тепло.

Он с болезненной тоской посмотрел на собственные пальцы, всё еще хранившие толику чужого тепла.

Вскоре к Сюй Инбаю стали приближаться другие сановники.

Хотя Сюй Инбай и велел Фу Линъи следовать за ним для знакомства с придворными, он вовсе не собирался никого ему официально представлять — Фу Линъи должен был сам во всём разобраться.

Тот неотрывно всматривался в эти лица, стараясь навсегда запечатлеть в памяти их черты и имена.

Заместитель министра военных дел ЦАО Шу, министр военных дел Фу Байси, заместитель министра чинов Мэй Юн... левый канцлер Фан Руи...

Сюй Инбай легко и непринужденно лавировал в словесных баталиях этих старых лис, ни в чем им не уступая, а после короткой беседы вместе со всеми направился в сторону Зала Сюаньчжэн.

И действительно, едва начался утренний совет, цензоры тут же принялись яростно атаковать

Сюй Инбая.

В первом пункте его обвиняли в дерзости и неуважении к императорскому величеству — за то, что он вернулся в Чанъань и уже десять дней не является к лицу Сына Неба с докладом, что прямо свидетельствовало о презрении к священной воле монарха. Во втором пункте его обвиняли в пособничестве изменникам — за то, что он позволил наместнику Сучжоу Янь Шицину творить бесчинства, вместо того чтобы воспользоваться случаем и уничтожить его. В третьем пункте ставили в вину его бездарность как полководца — военная кампания против Уцзюэ затянулась на четыре месяца, привела к бесчисленным жертвам и разорению казны и народа...

ЦАО Шу, сопровождавший Сюй Инбая в походе, услышав столь абсурдные измышления, едва не лишился дар речи.

Императорский двор выделил им всего двадцать тысяч воинов — с такими силами противостоять коннице Уцзюэ было невероятно трудно, а они еще смели требовать нападения на армию Янь Шицина, насчитывавшую шестьдесят тысяч человек! Да этот Янь Шицин давно уже снюхался с Уцзюэ, и если бы Сюй Инбай тайком не отправил людей на переговоры, они давно были бы окружены и перебиты!

ЦАО Шу уже сделал шаг вперед, намереваясь дать отпор негодникам, но его собственный непосредственный начальник Фу Байси удержал его за рукав.

ЦАО Шу в шоке посмотрел на Фу Байси, который только что с таким радушием беседовал с Сюй Инбаем, чуть ли не называя того кровным братом.

— О том, что ваш покорный слуга хворает, известно всему двору, — выступил вперед Сюй Инбай. — Что же до отчета о проделанной работе, то я изложил всё в мемориале, который передал Его Величеству вместе с донесением о победе.

— То, что я восстанавливал силы дома, также происходило по воле Его Величества.

— А что касается Янь Шицина из Сучжоу, — Сюй Инбай отвесил поклон Вэй Чжану. — Раз Его Величество не отдавал приказа о нападении, на то были свои глубокие соображения, и ваш слуга не смеет самовольно гадать о замыслах монарха.

Каждое слово Сюй Инбая было обращено к восседающему на золотом троне Вэй Чжану, и прямо, и обиняком давая понять, что цензоры суют нос не в свое дело, проявляют излишнюю инициативу и пытаются перехватить полномочия самого императора.

— Ну а что до последнего пункта, упомянутого господином Линем... — Сюй Инбай сохранял невозмутимое выражение лица, повернувшись к позеленевшему от злости Линь Чэньняню, и искренне произнес: — Я всего лишь гражданский чиновник, куда мне тягаться с доблестными воинами.

Если господин Линь столь недоволен, то он, должно быть, в совершенстве владеет искусством ведения войны. И если племена Уцзюэ вновь пойдут на нас войной, я искренне надеюсь, что господин Линь проявит себя первым среди храбрецов и сполна отдаст долг верности и служения отечеству.

В тронном зале воцарилось гробовое молчание.

Все отлично помнили, как несколько месяцев назад император, услышав на этом самом троне весть о нападении Уцзюэ, покрылся холодным потом. Ни на Янь Шицина, ни на Нин-вана рассчитывать не приходилось, оставалось лишь спешно стягивать войска из Чанъаня к линии фронта.

Но когда тогда спросили, кто из сановников готов лично возглавить войско, не нашлось ни единого добровольца.

Вэй Чжан трясся за свою шкуру, а придворные, помня о его императорском сане, разумеется, не смели советовать ему отправляться в поход лично. Военачальники же, привыкшие почивать на лаврах, не осмеливались вести войска навстречу свирепой и опытной коннице Уцзюэ.

В тот критический момент вперед вышел именно Сюй Инбай со словами:

— Ваш слуга просит дозволения отправиться туда лично.

После этих слов чиновникам из Управления цензоров стало нечего возразить.

— Есть еще доклады? — Сюй Инбай провел на утреннем совете уже полчаса, и Вэй Чжан явно начал утомляться.

Он обвел придворных своими немигающими глазами с желтоватыми белками на осунувшемся лице и бросил:

— Если больше дел нет, то заседание окончено.

Старый евнух Лю Ман, стоявший поодаль, поймал взгляд императора и уже собирался выкрикнуть положенное, как Сюй Инбай опередил его:

— У вашего слуги есть дело к докладу.

— Ваш слуга просит разрешить начать набор и обучение новобранцев, — произнес Сюй Инбай, — дабы укрепить оборону Чанъаня.

Вэй Чжан поморщился — судя по всему, эта идея ему совсем не улыбалась. Военные расходы требовали огромных вливаний из казны, а если все деньги уйдут туда, на что он станет искать пути к бессмертию и вопрошать небожителей?

Сюй Инбай прекрасно понимал, что творится в его голове.

Император Цзинь-лин и его батюшка император Цзинь-ю, судя по всему, были истинными отцом и сыном — оба питали одинаковую страсть к поискам бессмертия и обретению пути долголетия, считая праздность своим главным призванием, в то время как государственные дела их ни капли не волновали. Им было важно лишь одно — чтобы престол оставался за ними, а содержать такую ораву сановников они явно собирались не для того, чтобы те сидели сложа руки.

Но Сюй Инбай непременно должен был заполучить армию.

Глядя на императора, восседающего на возвышении, он медленно произнес:

— Ваше Величество, если рухнут зубы, замерзнут и губы.

Подразумевалось: если падет Чанъань, сможете ли вы и дальше преспокойно восседать на императорском троне?

Взгляд Вэй Чжана помрачнел. Будучи императором, пусть даже никудышным, он прекрасно уловил скрытый смысл слов Сюй Инбая.

— Великий военачальник совершенно прав, — хлопнув в ладоши, произнес Вэй Чжан. — Тогда пусть всем этим занимается великий военачальник.

<http://bllate.org/book/18659/1798827>